

О Т З Ы В

Официального оппонента на диссертацию К.М. Джусоева «Эпоха Мануила I Комнина в контексте развития религиозного антагонизма между Византией и Европой (IV-XII вв.)», выдвинутую на соискание ученой степени кандидат богословия

Рассматриваемое диссертационное исследование чтеца К.М. Джусоева «Эпоха Мануила I Комнина в контексте развития религиозного антагонизма между Византией и Европой (IV-XII вв.)» имеет, вне всякого сомнения, актуальный характер. Будем откровенны: негативное, предвзятое отношение к латинскому миру и Римо-католической церкви является в течение многих десятилетий, если не сказать столетий, визитной карточкой русского патриотизма, своего рода «русской национальной идеей». Пожалуй, лишь представители либеральных учений не считали нужным демонстративно предавать остракизму католицизм, но лишь потому, вероятно, что вообще не считали себя приверженцами какой-либо религиозной идеи. Между тем, еще такой замечательный русский патриот, как М.Н. Катков предостерегал от отождествления Римо-католичества и полонизма, отношение к которому у русских людей традиционно было отрицательное.

В свете последних событий, когда вместо очередного витка конфронтации зародилась надежда на диалог (хотя бы!) настало время вернуться к истокам нашей вражды и попытаться понять, в чем и почему мы были неправы. И искать не столько те факторы, какие нас разъединяют, сколько то, что нас роднит. Ведь доходит до очевидных нелепостей: нередко наши публицисты и богословы готовы повторять слова византийского военачальника Луки Нотарос, который отдавал предпочтение султанскому тюрбану, чем кардинальской шапке, выискивая общие богословские позиции у нас и мусульман, но категорически не желающие ничего слушать о попытках примирения с Римом.

К достоинствам диссертации нужно отнести глубину проработанности темы, ее актуальность, использование автором множества различных источников

и, конечно, наличие опубликованных им работ по тем или иным аспектам затронутого предмета исследования.

Тем не менее следует обратить внимание на некоторые недостатки работы и тезисы, требующие более насыщенного осмысления. В первую очередь, нужно посетовать на то, что автор не счел для себя возможным обратиться к трудам нашего выдающегося современника, богослова и историка Церкви протоиерея Валентина Асмуса. И хотя не все работы уважаемого протопресвитера опубликованы на бумажных носителях, многие его лекции и статьи имеются в системе интернет. Говоря о событиях 1054 г., конечно, следовало использовать чрезвычайно интересные по своему содержанию и научной скрупулезности выводы великого русского канониста и историка Церкви Н.С. Суворов «Византийский папа» (М., 1902).

Некоторые положения диссертации следует, конечно же, уточнить, дабы передать не только сами исторические события, но и - главное - контекст той эпохи, что, собственно говоря, входит в перечень заявленных диссертантом задач. Конечно же, осознание себя Вселенским судией пришло к Римским папам не ко времени «Акакиевой схизмы», а гораздо раньше. Достаточно напомнить историю с судами над свт. Афанасием Великим, который неоднократно обращался в Рим за защитой и получал ее там. Осуждение Константинопольского патриарха Нестория папой Целестином I при содействии свт. Кирилла Александрийского является хрестоматийным примером «Вселенского суда». Напомним, что Несторию практически не оставили выбора: он должен был или публично отказаться от своих мыслей, либо приговор суда вступал в силу - никакого иного судилища над ним более не предполагалось. И если это событие все же произошло на III Вселенском соборе в Эфесе 431 г., то не по запланированному сценарию (там как раз предполагался суд над Александрийским патриархом св. Кириллом), а вследствие волевого изменения заявленной программы Собора самим святителем.

Едва ли можно согласиться с общими оценками диссертации относительно противостояния двух позиций св. Фотия и св. Игнатия, когда он утверждает,

будто возобладала линия св. Фотия на независимость Церкви от светской власти (стр. 21 автореферата). Разумеется, св. Игнатий никак не может быть зачислен в идейные противники своему великому оппоненту, с которым дебатировал вовсе не на эту тематику. Скорее, св. Фотия могли считать излишне компромиссной фигурой, допускавшей участие императора в церковном управлении. А св. Игнатий, апеллировавший к папе в Рим по поводу своего низложения, конечно же, в этом отношении больший сторонник независимости церковной власти от царя, чем св. Фотий.

Едва ли можно принять без критической оценки тезисы доктора философии (стр. 70-72 диссертации) о том, что, во-первых, *Filioque* находилось в числе первых остро дебатируемых предметов между папой Николаем I и св. Фотием (к слову сказать, было бы правильно указывать имена прославленных Церковью лиц в общепринятой редакции, а не светской), и, во-вторых, опущение того факта, что в эту эпоху в Византии широкое распространение получили идеи папизма, одним из идеологов которого являлся и Константинопольский патриарх. Достаточно привести в качестве примера полномочия Вселенского патриарха, как они были сформулированы св. Фотием, автором проекта этого законодательного сборника.

Конечно, выражения «политические аспекты доминировали над духовными» (стр. 106, 111 диссертации, стр. 24 автореферата) требуют сугубой осторожности, поскольку в те времена одно было органично связано с другим. Собственно говоря, это и есть та «симфония», по которой мы нередко тоскуем. Скорее, следует говорить, что духовные разногласия в те или иные минуты уходили на второй план, выдвигая в качестве более актуальных политические проблемы.

Особого внимания заслуживает, разумеется, тема взаимоотношения между двумя великими кафедрами - Римской и Константинопольской. Причем, следует сказать, что в зарождающемся конфликте далеко не всегда пальма первенства принадлежала латинской стороне. Достаточно напомнить обстоятельства проведения Трулльского Собора 692 г., позднее названного «Пято-Шестым», но

в глазах современников являвшегося «нормальным» и самодостаточным вселенским собранием. При всем уважении, которое император Юстиниан II Ринотмет демонстрировал к Римскому папе, нельзя не заметить, что многие каноны, принятые на нем, были достаточно оскорбительны по отношению к Римской кафедре. Едва ли, полагаем, нужно было обращать внимание на традицию целибатного священства (13 канон), пост по субботам (55 канон), употребления удавленной пищи (67 канон) и т.п. И едва ли сближению Восточной и Западной церквей способствовал тот факт, что среди рецептированных Соборов 625 правил нет ни одной декреталии Римского папы, изданных за минувшие века, как будто их вовсе не существовало.

И не стоит удивляться тому, что вскоре (уже в VIII-IX вв.) папы вполне резонно высказывали претензии Константинополю в том, что на Востоке зародилась и окрепла практика поставления на патриаршую кафедру светских лиц, которые в спешном порядке (за неделю) проходили все степени посвящения). Обратим внимание, что эти претензии возникли именно после Трулльского Собора, а не до него.

Мы обычно легко принимаем ответ византийских епископов на упреки латинян: «В каждой Церкви есть свои обычаи, наследованные с древних времен. Их находят в церквях Римской, Константинопольской и прочих восточных патриархатах. Если Римская церковь никогда не допускала избрания епископа из мирян, то и пусть она остается при этом обыкновении. Можно только пожелать, чтобы между клириками и монахами встречалось как можно больше людей, достойных сна епископского».

Но в таком случае объективность требует согласиться и со словами папы Льва IX в его послании на имя патриарха Михаила Керулария, полными не только осознания достоинства Римской кафедры, но исторической правды: «Вот уже почти 1020 лет прошло с тех пор, как пострадал Спаситель, и неужели вы думаете, что только теперь от вас Римская церковь должна учиться, как совершать Евхаристию?».

Есть еще несколько замечаний (стр. 75 диссертации), не играющих существенной роли, но необходимых для озвучивания исключительно в интересах самого диссертанта и его интересной работы. Так, не только на Западе, но и на Востоке «Лжеисидоровы декреталии» и «Константинов дар» были чрезвычайно распространены, и многие выдающие канонисты - Феодор Вальсамон и Матвей Властарь, например, были глубоко убеждены в их истинности. Кроме того, греков задевали не столько они, положенные в основание папского могущества, а как раз утверждение латинян, будто бы именно апостол Петр установил правомочия папы как Вселенского судьи. Первенство Рима в иерархии кафедр ни для кого не являлось спорным тезисом. Однако, вернее своей имперской идеи, византийцы были готовы признать полномочия папы, как делегированные им от императора св. Константина Великого, что вполне согласовывалось с византийской политической традицией.

В этом контексте хорошо смотрелись и полномочия самого Константинопольского «Вселенского» патриарха. Отнесение же его прерогатив исключительно к царской власти, а папских - к апостольскому определению сохраняло очевидное внутренне неравенство обоих патриархов и их кафедр. На что греки, конечно же, пойти не могли. Не случайно в скором времени Константинополь начинает копировать Рим, дабы закрепить за собой те же основания власти, какие папы устанавливали для себя. Это и учение об апостольском происхождении Константинопольской кафедры, и учение о том, что после ересепадения папы Константинопольский патриарх перенял на себя его прерогативы - это учение разрабатывал, как мы знаем, Феодор Вальсамон, и т.п. Отсюда возник так называемый греческий папизм, который периодами затмевал по степени собственного самосознания и амбициозности и латинский, иalexандрийский, и антиохийский. Как мы помним, впоследствии эти веяния возникли и в России, породив там не менее печальные последствия в виде Русского раскола.

Впрочем, данные замечания и дополнения не могут повлиять на высокую оценку рассматриваемого диссертационного исследования, автор которой заслуживает присвоения искомой степени кандидат богословия.

Доктор юридических наук,
Заслуженный юрист России

«Подпись А.М. Величко удостоверяю»
Руководитель кадровой службы
ГУП «Мосгортранс»

A.M. Величко

А.В. Митрофанов

Сигнатура А.М. Величко